

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

О ФОНЕТИКО-ФОНОЛОГИЧЕСКИХ КОНТРАСТАХ СЛОГОВЫХ СТРУКТУР И ФОНЕТИЧЕСКОЙ РОЛИ И ФУНКЦИОНИРОВАНИИ В ЯЗЫКАХ РЕДУЦИРОВАННОГО ГЛАСНОГО

С.В. АДАМОВА
АГПУ им. Х. Абовяна

Московским издательством “Флинта: Наука” выпущена в свет монография д.ф.н., профессора **Б.С.Гулакян** “Фонетико-фонологические универсалии, фреквенталии и контрасты (лингвистический и лингводидактический аспекты)” (редактор А.С. Маркосян), в которой рассматриваются фонетико-фонологические проблемы слоговых структур, анализируется роль редуцированного гласного в формировании слогов и квантовании речевого потока, исследуется природа речевых мимолетностей, в частности, в доречевой стадии коммуникации детей-билингвов. На протяжении многих лет автор проводила наблюдения над тем, как рождается речь, начиная с младенческого лепета до ее формирования как коммуникативной системы. Эти наблюдения помогли автору по-новому оценить началь-

ную стадию порождения речи и выделить раннюю фазу потенциального билингвизма, т.е. тогда, когда в детском речевом сознании уже сформировались ритмические и акцентологические структуры, свойственные родному языку билингва, последние, естественно, в дальнейшем будут влиять на формирование в его сознании русской речи.

Особое внимание в монографии уделяется редуцированному гласному, его функционированию в языках индоевро-пейской и тюркской групп, в дальневосточных языках, но основным лингвистическим материалом книги является русский язык. Главным же сопоставительным материалом, как подчеркивает автор монографии, является родной язык исследователя – армянский, так как “...это язык, на материале которого чрезвычайно удобно анализировать

роль редуцированного, зафиксированного в национальном алфавите, и устанавливать межъязыковые общности, универсалии, а порой и контрасты” [с. 5]. Наблюдения за устной речью билингвов привели автора исследования к выводу о том, что необходимо обратиться к анализу роли редуцированного в производстве речи, ибо он является чрезвычайно частотным гласным. Известно, что самой краткой структурной и произносительной единицей языка считается слог, т.е. мы слышим или только гласный, или гласный в окружении согласных, поэтому, как верно отмечает автор, обучение артикуляции согласного следует проводить лишь в составе слога, отсюда и “...несостоятельность учебных заданий типа: “Произнесите (такой-то) согласный” или учебных тем типа: “Обучение произношению (такого-то) согласного”, встречающихся в программах, учебных пособиях по фонетике, в лингафонных курсах, в практике обучения речи и т.д.” [с. 13]. Мы разделяем точку зрения Б.С. Гулакян, которая нашла подтверждение своим наблюдениям в исследовании В.М. Солнцева “Введение в теорию изолирующих языков”, где автор – специалист по слогофонемным языкам – высказал следующее: “Вне слогов звуки ни в одном языке не могут

функционировать в речевой цепи. Это, как известно, эмпирически установленный факт, а отдельные согласные при изолированном употреблении имеют гласный призвук” [с. 20]. Исходя из этого, как верно отмечено автором, в “...армянском языковом обиходе структура слога осознается как бы стихийно, в силу возможности более ясно слышать, произносить, а главное – материализовать слышимое и произносимое благодаря наличию в алфавите буквенного соответствия редуцированному. В силу этого в арменистике получил обозначение слог (“побочный слог”, “побочная слоговость” – как в русском), возникающий при известных условиях, в добавление к основному слогу, а гласный, образующий этот слог, – “тайнослженный [ə] – редуцированный” [с. 27]. Таким образом, специфичность этого гласного заключается в том, что он не обозначается на письме в **исходной форме слова, т.е. орфографически** (выделено нами – С.А.), а проявляется при переносе, например: սլսւնվել – [սլə-սնւն-վել], թոփնալ – [թəп-վə-пш], վզվզոց – [վəզ-վə-զոց], Մերսինի – [Մə-կəրսն-յան] и т.д. Подобные явления наблюдаются во всех словах со стечением согласных.

Что же касается нейтрализации конечной звонкой согласной в русском языке, то, как точно отмечает

автор, и мы разделяем ее точку зрения, в армяноязычной аудитории в устной речи многих учащихся не происходит оглушения конечных звонких согласных, более того, конечные мягкие согласные произносятся твердо, например: [хл'эбъ], [мЛркóвъ], [пЛрóгъ], [св'азъ], [дрожъ] и т.д. Весьма часто в устной речи наших учащихся отмечается и явление озвончения конечных глухих согласных, например: [гло́бузь], [Лфто́бузь], [трЛ п'э́бузь] и т.д.

Весьма интересно представлен в монографии лингвистический и лингводидактический анализ фонетико-фонологических, лексических, соматических и иных “мимолетностей”, которые наблюдались автором в детской речи. Производитель речи – ранний билингв, усваивающий параллельно два языка – русский и армянский, относящиеся к индоевропейской группе.

Автором приводятся интересные примеры “мимолетностей”, когда создается особая эмоциональная ситуация, которая стимулирует спонтанное речепроизводство, осуществляемое в форме пространного предложения. Приведенные примеры “мимолетностей” содержат лингводидактическую подсказку [с. 50-54].

Большой интерес вызывает описание “мимолетности”, которая относилась к фазе доречевой под-

готовки речи до начала коммуникации. Касается она известного лингвиста двадцатого века Р.О. Якобсона, который владел несколькими языками, и, стоя у кафедры перед лингвистами Москвы, беззвучно выбирал язык, на котором ему предстояло выступать. Б. Гулакян отмечает: “Наш арсенал описания этой фазы речи беден, почти пуст, но впечатление от этой доречевой стадии было слишком сильное, чтобы не дать себе оставить его только в собственной памяти, не поделиться им. Что это было? Элементы мимического, соматического, уклад языка, губ, отражение поиска языка в лице, глазах? Наверное, все вместе, и еще – психологическая подготовка” [с. 55].

В главе “Физико-физиологический аспект лингвистических явлений” автор совершенно справедливо отмечает, что “...алфавиты языков отражают системы значимых единиц, при помощи которых происходят в языке коммуникативные акты. Гораздо более редки обозначения фонетически-физиологически физически необходимого, но фонологически незначимого способа артикуляции, помимо использования полногласных единиц. Эти случаи сводятся к использованию редуцированного, практически чрезвычайно частотного звука в речи человека” [с. 64]. Да, действительно, именно этот

фонетический “**квант**”, как подчеркивает автор монографии, приходит на помощь для артикуляции отдельного согласного, для создания благозвучности речи.

Большой интерес вызывает глава “Типологический анализ соотношения фонетического и фонологического слогов”, в которой автор осмысливает лингвистические факты в связи с фактами общей науки о природе – **физики**. Из физической науки автор заимствует принцип дополнительности и связывает воедино два фонетических мира – физических, звуковых единиц и их идеальных соответствий, т.е. “...в свете поведения редуцированного в языке возникает идея о различии природы двух типов слогов – фонологического и фонетического” [с. 66].

Итак, что же такое “фонологический слог”? Фонологический слог – это минимальная лингвистическая модель языка, в состав которой **орфографически** могут входить фонетические слоги, состоящие из сочетаний консонантов с нефонетическими гласными призвуками. Например, в словах *арка, ария, сумка, мелодия* и им подобным все слоги фонетические, т.е. схема этих слогов такова: VC + CV, V + CV + V, CVC + CV, CV + CV + CV + V. В словах же типа *знак, мудр, жанр, свет* и им подобным, схема слогов **графически** соответствует одно-

сложной: CCVC, CVCC, CVCC, CCVC, но фонетически это двусложные слова со схемами слогов: CV + CVC, CV + CVC, CV + CVC, CV + CVC. В данном случае совершенно разряжение сочетаний некоторых групп консонантов гласным призвуком. Этим и отличается фонетический слог от фонологического.

Интересные и глубокие мысли высказаны автором монографии по поводу приобщенности фонетики как к лингвистике, так и физике: “Природа фонетики имеет право принадлежать каждой из этих наук, дающую возможность рассмотрения явлений фонетики в зеркальном отражении и лингвистики, и физики. Эта позиция позволяет оценивать некоторые лингвистические явления сквозь фонетическую призму и давать им обоснованное физическое толкование” [с. 81]. Например, классическое определение слога как минимальной произносительной единицы подводит к анализу как физическому действию. Мы разделяем точку зрения Б.С. Гулакян и также считаем, что **слух фонетиста** (выделено нами – С.А.) должен быть свободен от орфографического образа слова, “...в его микромире редуцированный гласный появляется законным путем, антропофонически организуя отдельные согласные или их группы” [с. 82]. Отсутствие зрительного соот-

ветствия редуцированному звуку является причиной невосприятия слогообразующей редуцированной гласной. Противоречие разрешается путем признания наличия редуцированного как ядра слога. Исключение из такого “психолингвистического казуса” – особая орфография редуцированного в армянском. И здесь автор монографии ссылается на поэта О.Э. Мандельштама в связи с проявлением рассмотренных явлений в армянской фонетике: “Голова по-армянски: глух, с коротким придыханием после “х” [с. 84]. Автор не скрывает своего восхищения и пишет: “Услышать более широкую фрикацию после фрикативного “х” – это инструментальная точность, которой не обладали специалисты по этому языку” [с. 84]. Другой пример гениального проникновения поэта в наш язык (и я не могу не позволить себе привести его, поскольку также восхищаюсь творчеством этого замечательного поэта – С.А.) – восприятие редуцированных гласных, которыми изобилует речь на армянском: “Армянский язык – неизнашиваемый – каменные сапоги. Ну, конечно, толстостепенное слово, прослойка **воздуха в полугласных**” (вы-

делено Б.Г.) [с. 84]. И, как отмечает далее автор, это “...не просто тончайший поэтический слух, но и определенный лингвистический нюх, ведь полугласные услышаны не с помощью письменного отображения, они определены человеком, в лице которого лингвистика потеряла потенциального тонкого полиглота” [с. 84]. Гласные прокладки узаконены в орфографии армянского языка правилами переноса отдельных согласных в сочетании с редуцированным гласным, т.е. орфографически односложные слова при переносе становятся двусложными, а редуцированная вставка играет чисто производительную роль, обеспечивая плавность и благозвучность речи.

В заключение хочется поздравить автора монографии с созданием безусловно интересного, глубоко осмысленного научного труда, который, как мы думаем, должен заинтересовать специалистов – фонетистов, языковедов, а также преподавателей родного и неродного (русского) языков.

Пожелаем же уважаемой Бэле Сираковне Гулакян дальнейших творческих успехов.